

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-2-6

УДК 94 (510.1)

Кротова Мария Владимировна

Доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург, Россия)
mary_krot@mail.ru

Krotova, Maria

Doctor of Historical Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics
(St Petersburg, Russia)
mary_krot@mail.ru.

Феномен Харбина как полифоничного города *

The Phenomenon of Harbin as a Polyphonic City

Аннотация. В предлагаемой статье предпринята попытка рассмотреть особенности Харбина – города в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай), который в течение нескольких десятилетий считался «русским островом» в Китае. Основанный в связи со строительством КВЖД в 1898 г. город прошел через несколько этапов в своем развитии, испытал на себе разные влияния. Акцент сделан на символическом значении Харбина, его полифонии, проблеме взаимодействия культур, возможности компромисса и сосуществования разных идеологий, национальных и социальных групп.

Ключевые слова: Харбин, харбинцы, Маньчжурия, Китай, русская эмиграция, СССР, взаимодействие культур, полифония города.

Abstract. The article attempts to study the features of Harbin, a city in Manchuria (northeastern China), which for several decades was considered a “Russian island” in China. Founded in 1898 in

---

* Для цитирования: *Кротова М.В.* Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 2. С. 749–785. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-6

For citation: Krotova, M. “Phenomenon of Harbin as a Polyphonic City.” *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 3, no. 2 (2019): 749–785, [http:// doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-6](http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-6)

© Кротова М.В., 2019

© Krotova M., 2019

connection with the construction of the Chinese Eastern Railway, the city went through several stages in its development and experienced different influences. The main emphasis is placed on the symbolic meaning of Harbin, its polyphony, the problem of interaction of cultures, and the possibility of compromise and co-existence of different ideologies, national and social groups.

Key words: Harbin, Harbinites, Manchuria, China, Russian emigration, USSR, interaction of cultures, polyphony of the city

---

Введение

Город Харбин возник благодаря строительству Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в месте пересечения железнодорожной магистрали с рекой Сунгари и развивался как торгово-промышленный и транспортный центр Северной Маньчжурии¹. Быстрое развитие города было связано с удачным местоположением на перекрестке торговых путей, благоприятными политическими и экономическими условиями в рассматриваемый период и огромными российскими государственными капиталовложениями в строительство КВЖД. С самого начала город строился по намеченному проекту, утвержденному Правлением Общества КВЖД в Санкт-Петербурге.

Являясь фактически российской колонией, Харбин стал местом, где апробировались новые формы экономической деятельности, общественной жизни, межнационального общения. После русско-японской войны, в 1906 г., Харбин был открыт для международной торговли и проживания иностранцев, а в 1907 г. в Харбине открылось российское генеральное консульство, затем появились японское, американское, английское, германское, французское, испанское и бельгийское консульства. В 1907 г. образовалась харбинская биржа, начался экспорт маньчжурского зерна и бобов на европейские рынки и в Японию, что дало толчок быстрому развитию города². С 1908 г. заработало городское самоуправление, и Харбин, считавшийся до этого железнодорожным поселком, получил официальный статус города. После русско-японской войны Россия потеряла интерес к Северной Маньчжурии, но город не погиб, а стремительно развивался. После так называемого «героического» периода (начальный период истории Харбина, связанный с боксерским восстанием 1900 г., когда город был осажден войсками восставших, и русско-японской войной, когда Харбин стал тыловой базой русской армии) и крупных казенных ассигнований, Харбин прошел еще несколько этапов в своем развитии.

---

¹ Днем основания города считалось 28 мая 1898 г.

² См. подробнее: *Кротова М.В.* Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2010.

Формально не являясь частью Российской империи, Харбин имел определенное сходство с другими русскими городами: в нем была развитая инфраструктура, включавшая русские школы и высшие учебные заведения, православные церкви, оперу, театр, газеты, различные общества. Характерной чертой Харбина являлась «чрезвычайная пестрота» состава населения города – здесь были представлены выходцы из всех частей Российской империи, а также значительное число китайцев и иностранцев. Национальные группы не растворялись в общей массе городского населения. Они основывали землячества, строили свои церкви (помимо православных храмов в Харбине действовали польский костел, кирха, армянский молитвенный дом, мечеть, две синагоги, храм Конфуция, молитвенные дома), организовывали национальные школы и клубы. Долгое время Харбин считался центром русской эмиграции в Китае, а после советско-китайских соглашений 1924 г. город испытал на себе сильное советское влияние, став единственным местом в мире, где эмигранты («белые русские») и советские граждане («красные русские») в большом количестве жили в одном и том же городе.

В течение нескольких десятилетий Харбин оставался «русским островом» в Китае. Город неоднократно оказывался в центре мировых событий, таких как «боксерское» восстание в Китае в 1900 г., русско-японская война 1904–1905 гг., гражданская война в России 1918–1922 гг., конфликт на КВЖД 1929 г., японская оккупация Маньчжурии с 1932 г., советско-японская война 1945 г., гражданская война в Китае в 1946–1949 гг., передача КЧЖД³ Китаю в 1952 г. В 1960-х гг., в связи с ухудшением советско-китайских отношений, русскоязычное население в Харбине практически исчезло.

В настоящее время русского Харбина не существует. Сейчас это китайский город, центр провинции Хэйлунцзян, с населением более 10 миллионов человек. Но Харбин до сих пор является символом, связывающим многих людей. В название города в разное время вкладывали разные смыслы: так, его называли «маньчжурский Сан-Франциско», «восточный Париж», «Белый Харбин», «китайская Женева», «град Китеж XX века», «русская Атлантида». О нем оставлена масса воспоминаний, и бывшие харбинцы стали одними из первых, кто попытался осмыслить феномен Харбина⁴. Исследователи из разных стран обращаются к истории города, чтобы объяснить его обаяние и уникальность⁵.

---

³ КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) с августа 1945 года называлась КЧЖД (Китайская Чанчуньская железная дорога).

⁴ Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003; Райан Н. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005; Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994; Русский Харбин: антология / сост. Е.П. Таскина. М.: Наука, 2005; Bakich O. Harbin Russian Imprints: Bibliography as History, 1898–1961. New York; Paris: Norman Ross Publishing

Сегодня трудно отделить символический Харбин от реального. В Интернете существует несколько русскоязычных форумов, посвященных истории города, есть даже интернет-площадка «Харбин» – «информационно-аналитический форум русского правого консерватизма», который по замыслу создателей объединяет эмигрантов «по духу и ощущению». На этом сайте даны основные направления форума:

Фактически, Харбин был полноценным несоветским русским городом, осколком исторической России. <...> Сегодня у нас нет такого города, но все еще есть остаток русских людей, в которых и заключается истинная Россия. И потому вполне логично, что площадка, где этот остаток собирается, также будет называться «Харбин» – в память о том городе, который русский народ выстроил некогда себе «про запас»⁶.

Так название города наполняется новыми смыслами, и символический «русский Харбин» продолжает свое существование.

Харбин можно считать полифоничным городом – городом многоплановым, в истории которого можно найти примеры сосуществования различных культур, идеологий, которые не только испытывали взаимное влияние, но и «уточняли» друг друга. Исследование истории Харбина дает широкие возможности для изучения темы «жизнеспособности, витальности, устойчивости этносов»⁷,

---

Inc., 2002; *Vakich O.* Russian Education in Harbin: 1898–1962 // Записки русской академической группы в США. 1994. Т. XXVI. С. 269–294.

⁵ Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства) / под ред. А.М. Буякова, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2018; *Забияко А.А., Забияко А.П., Леошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015; *Дубаев М.Л.* Харбинская тайна Рериха. Н.К. Рерих и русская эмиграция на Востоке. М.: Сфера, 2001; *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2011; *Крадин Н.П.* Харбин – русская Атлантида: очерки. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010; *Смирнов С.В.* Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007; *Gamsa M.* Harbin in Comparative Perspective // *Urban History*. 2010. Vol. 37. No. 1 (May). P. 136–149; *Gruner F.* Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space // *Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World* / B.D. Behnken and S. Wendt (eds.). Lanham: Lexington books, 2013. P. 183–205; *Ikuta M.* Two Russians in Harbin: The Émigré Community and the Soviet Colony // *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945* / ed. Kimitaka Matsuzato. Lanham: Lexington books, 2017. P. 175–187.

⁶ Интернет-площадка «Харбин». URL: <https://harbin.lv/nashi-idei-i-nashi-zadachi> (дата обращения 12.12.2018)

⁷ *Забияко А.А., Забияко А.П., Леошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. С. 6.

формирования стереотипов и мифологии, нового прочтения топографии города, а также исследования его функции связующего звена между эмиграцией и СССР.

Основная часть

Харбин с самого начала своей постройки имел неоднозначную репутацию. Многие стереотипные представления о городе возникли уже в начале XX века. В российской прессе он был представлен как город американского типа, с энергичным населением, кипучей деятельностью и большим будущим. После русско-японской войны в печати возник образ «беспутного и распутного» Харбина, города, «богатого соблазнами» и отличавшегося «незавидными нравами»⁸. В дальнейшем эти представления только укреплялись.

Топография города отражала его функции и историю. С самого начала строительства на территории города оформились три района: Старый Харбин, заселенный в основном чинами Заамурского округа пограничной стражи, Новый город – административный поселок, где жили преимущественно железнодорожные служащие, и Пристань – торговый и рабочий район. Китайское население в основном проживало в приго-

Карта из Исторического обзора КВЖД за 1923 г.

⁸ Дальний Восток. 1908. 1 января.

роде Харбина Фудзядяне. Эта структура города сохранялась и в последующем. Елена Якобсон, приехавшая с родителями в Харбин в 1926 г., вспоминала:

В то время это был самый большой русский город за пределами России; русские чувствовали себя здесь дома и не считались «иностранцами». В Харбине жили самые разные общественные группы, и город делился на кварталы, каждый из которых имел собственное лицо. Как и во многих европейских городах, в Харбине были парки, широкие бульвары, солидные кирпичные дома, большие магазины, специализированные лавки, кафе и рестораны. По шумным улицам ходили трамваи, ездили такси, автобусы и русские извозчики, зимой менявшие экипажи на сани. Деловой центр города находился в районе, называемом Пристань, близко от реки Сунгари. Вдоль реки располагались фабрики и мастерские. Первые русские поселенцы построили здесь роскошные дома и особняки. Главный жилой квартал назывался «Новый город». Вдоль широких улиц росли деревья, за заборами виднелись чудесные частные сады. Здесь теперь селились члены правления КВЖД и высшие советские чиновники. На окраинах располагались более бедные районы, где находили приют потерпевшие поражение белые воины⁹.

Город быстро рос: через 5 лет после своего основания, в 1903 г., в Харбине проживало 44,6 тыс. чел. (15,6 тыс. чел. русских подданных и более 28 тыс. китайцев)¹⁰; в 1913 г., согласно переписи населения, в Харбине насчитывалось 68 549 чел.¹¹; в 1923 г., по данным полицейского управления ОРВП¹², в Харбине проживало 122 821 чел.; в 1929 г. – 160 670 чел., из них 26 759 советских граждан и 30 362 русских эмигранта¹³. Однако с ростом населения доля русских в Харбине сокращалась, особенно после продажи КВЖД. Согласно переписи населения, в конце июля 1935 г. в Харбине с пригородами проживало 456 506 чел., из них маньчжур¹⁴ – 380 960 чел., русских эмигрантов – 30 143 чел., советских граждан – 13 579 чел., японцев – 19 284 чел., корейцев – 5 408 чел., поляков – 1 287, 335 немцев, 190 англичан, 171 латышей, 159 чехов, 99 французов, 99 американцев, 57 датчан, 49 итальянцев, 38 литовцев, 37 австрийцев, 26 греков, 16 голландцев, 14 армян, 14 шведов, 10 португальцев, 8 индусов, 7 венгров, 6 швейцарцев, 4 турка, 1 румын¹⁵.

Харбин, будучи русским городом, построенным на китайской территории, имел свой неповторимый оригинальный уклад. Своеобразием городской жизни

⁹ Якобсон Е. Пересекая границы. М.: Русский путь, 2004. С. 53–54.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 323. Оп. 1. Д. 914. Л. 16.

¹¹ Известия Харбинского общественного управления. 1913. № 9. С. 1.

¹² ОРВП – Особый район Восточных провинций – так с 1920 г. (когда административная власть перешла к Китайской республике) стала называться полоса отчуждения КВЖД.

¹³ Кормазов В.А. Рост населения в Харбине и Фудзядяне // Вестник Маньчжурии (Харбин). 1930. № 7. С. 25.

¹⁴ Во время японской оккупации китайцев часто, в том числе по политическим соображениям, называли маньчжурами.

¹⁵ Харбинское время. 1935. 29 августа. С. 4.

было тесное соседство русского и китайского населения. С одной стороны, город и железная дорога нуждались в дешевой китайской рабочей силе, с другой, – китайцы находили здесь неплохие заработки, устраиваясь строителями, чернорабочими, носильщиками, прислугой и др., снабжая город продовольствием. Русские экспортеры не могли обойтись без китайских посредников, китайские торговцы пользовались для отправки товаров русской железной дорогой и т.п. Для многих русских харбинцев Китай стал «второй», а для тех, кто родился в Харбине, даже «первой» родиной. Со страниц харбинской прессы часто раздавались призывы не забывать о «благодарности и уважении» к народу, на «гостеприимной земле» которого очутились русские:

Харбин – это стык, это спай двух великих народов. Здесь нужно жить вместе. И учиться вместе. А главное, учиться жить вместе¹⁶.

В учебниках для русских школ в Северной Маньчжурии обращалось внимание на «поразительное трудолюбие, нетребовательность, миролюбие» китайского народа, «кротость характера, ровное расположение духа, неистощимую веселость», поразительные способности в торговле¹⁷. Однако, в связи с растущим национальным самосознанием китайского народа и событиями в России, возникала определенная напряженность в отношениях, которая проявлялась как на официальном, так и на бытовом уровнях.

Фактически до 1920 г. Харбин управлялся русской администрацией, но 23 сентября 1920 г. последовал декрет президента Китайской республики об упразднении посольств и консульств Российской империи, а последующие декреты лишили русских граждан прав экстерриториальности, расформировали и упразднили русский суд, полицию, войсковые части и другие учреждения. Однако русское влияние здесь оставалось достаточно сильным. Путешественники в 1920-х гг. отмечали, что Харбин

в большей части русский, чем китайский город. Здесь редко можно встретить китайца, не понимающего совсем по-русски. Здесь и китайская администрация наполовину из русских. < ... > Харбин – европейски-культурный город, и этим далеко оставил за собой столицу Китая – Пекин¹⁸.

Писатель С.Г. Скиталец, проживший в Харбине 13 лет, вернувшись в СССР в 1934 г., так описал город:

---

¹⁶ День политехника (Харбин). 1924. Ноябрь. С. 1.

¹⁷ Мичурин А.П. Северная Маньчжурия. Пособие для младших классов средних учебных заведений. Харбин: Якорь, 1928. С. 9.

¹⁸ Приморский М.Я. В Китай и обратно. Путевые заметки. М.: Новая Москва, 1926. С. 94.

Харбин, возникший всего 30 лет назад, из глухой китайской деревушки вырос в большой, кипучий, международный город. <...> Облик города, несмотря на преобладание китайского населения – русский: на первом плане русский язык, русская торговля, русский театр, русская пресса¹⁹.

Известный поэт Валерий Перелешин, чьи детство и юность прошли в Харбине, в письме 1968 г. признавался, что он тосковал по русскому присутствию в Харбине – школам, библиотекам, университету и церкви; ведь именно в «русском» Харбине он познакомился с русской литературой, полюбил ее и стал русским поэтом²⁰.

Фото из коллекции харбинца В.П. Абламского

В Харбине пересекались интересы различных стран – России, Японии, Китая, Германии, США и др. Таким образом, Харбин являлся чувствительным барометром международной обстановки на Дальнем Востоке. Все колебания политической и экономической ситуации в России и Китае нашли отражение в истории города. После революции и гражданской войны в России Харбин стал одним из центров русского зарубежья, своеобразным «пристанищем всех стра-

¹⁹ *Скиталец С.Г.* Эмигрантская литература // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 484. Оп. 2. Д. 49. Л. 23.

²⁰ *Bakich O.* Valerii Pereleshin: life of a silkworm. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2015. P. 14.

ждуших и нуждающихся»²¹. Сюда устремились не только остатки белых армий, но и гражданское население, коммерсанты, интеллигенция. Советско-китайские соглашения 1924 г. изменили обстановку в городе, так как КВЖД с этого времени управлялась СССР и Китаем на паритетных началах. В Харбине было открыто Генеральное консульство СССР, многие старожилы и беженцы приняли советское гражданство. Так называемый «советский период» в истории Харбина (1924–1935 гг.) был одним из самых интересных и плодотворных. Одной из важных особенностей Харбина стали тесные контакты с Советской Россией, обусловленные наличием КВЖД и близостью советско-китайской границы. В Харбин приезжали артисты, врачи, писатели и художники из Советской России, поступали советская пресса и книги, велась активная переписка с родственниками из СССР, приходили посылки, служащие КВЖД постоянно переводили деньги в СССР.

Многие писатели, художники, путешественники оставили свои впечатления о Харбине 1920-х гг., пытаясь уловить его образ и характер. У каждого был свой Харбин, и мнения о нем разнились в зависимости от оптики пишущего. Так, полковник И.С. Ильин, прибывший в Харбин вместе с остатками белой армии в феврале 1920 г., записал в дневнике несколько первых впечатлений от города:

Все тут живут великолепно, сыто и, что называется, без хлопот и забот. < ... > Прежде всего, сохраняется почти в полной неприкосновенности старый Харбин со всем его бытом, укладом жизни. < ... > У нас в России, в Петербурге даже, и в мирное время не было такой обжорной, пьяной и обильной жизни, как здесь сейчас. < ... > Быт прочен, жизнь устойчива и консервативна. С одной стороны, несомненная широта, большой размах, своеобразные колонизаторские способности, т.е. необыкновенно легкая уживчивость, терпимость. С другой – что-то неуравновешенное, легкомысленное, все без достаточных оснований²².

Однако через несколько лет жизни в Китае, 25 июня 1929 г., он записал в дневнике: «Харбин – прекрасный, культурный город. <...> Все можно достать, все дешево, все живет, кипит в быстром духе конкуренции и соревнования»²³.

В книге Кристины Бенаг об англичанине Чарльзе Гиббсе, который был воспитателем и учителем детей императора Николая II, отводится несколько страниц его жизни в Харбине с 1922 г., наполненной «несколько рискованными

---

²¹ *Забияко А.А., Забияко А.П., Леошко С.С., Хисамутдинов А.А.* Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. С. 143.

²² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 5, 33–34, 60.

²³ ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

приключениями и приятной светской жизнью»²⁴. О Харбине К. Бенаг пишет, опираясь на переписку Ч. Гиббса, как о «крупнейшем русском городе за пределами России»:

Его великолепные православные храмы, магазины, базары, места развлечений, кафе – все, что мог предложить приличный русский город – создавало дореволюционную атмосферу с аурой, просуществовавшей до 1970-х гг.²⁵

Харбин, по словам Бенаг, не был «захудалым, заброшенным местечком», и Гиббс чувствовал себя там «как дома»²⁶. Видимо, это ощущение было знакомо многим – о чувстве узнавания и особенного уюта упоминали позже многие харбинцы. Е. Берковская, дочь Н.А. Сетницкого, служившего на КВЖД до 1935 г., вспоминала:

Наша жизнь в Харбине была необычайно благополучная, и мы жили не то, чтобы богато, но абсолютно безбедно. Пуна (отец – М.К.) много помогал и родным, и друзьям, живущим в России²⁷.

Эмигрант В.Я. Янковский, описывая свой визит в Харбин в середине 1930-х гг., отметил:

«Харбин-папа», как его величали, противопоставляя «Одессе-маме», в двадцатые, тридцатые, да и в начале сороковых, если не считать чисто китайскую часть – Фудзянь, – был совершенно русским городом. Магазины, рестораны, кафе, кондитерские, конторы, учреждения, гимназии и высшие учебные заведения – сплошь с вывесками на русском языке²⁸.

Об особой атмосфере Харбина писала в своих воспоминаниях харбинка Ю. Крузенштерн-Петерс:

Прелестный, несчастный, единственный в своем роде город. < ... > Здесь быть может, больше, чем в других местах, хотят оставаться русскими. < ... > Русский театр, русские уютные, единственные в мире кабачки с цыганами, ресторанчики с горячими пирожками, где можно слышать споры, доходящие до ссор, и всегда о том же, о России. < ... > Он в годы разрухи сумел создать свой Политехникум, Ориентальный институт и Юридический факультет, где читал Устрялов, он посылал своих детей в

---

²⁴ В Харбине Гиббс крестился в православие в 1934 г., а затем в 1935 г. был пострижен в монахи под именем Николай. В 1937 г. он вернулся в Англию, где основал православный монастырь.

²⁵ Бенаг К. Англичанин при Царском Дворе: духовное паломничество Чарльза Сиднея Гиббса. СПб.: Царское дело, 2006. С. 232.

²⁶ Бенаг К. Англичанин при Царском Дворе: духовное паломничество Чарльза Сиднея Гиббса. С. 233.

²⁷ Берковская Е.Н. Судьбы скрещенья. Воспоминания. М.: Возвращение, 2008. С. 90–91.

²⁸ Янковский В.Я. От Сидеми до Новины. Дальневосточная сага. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 234–235.

русские гимназии, он имел чудесные библиотеки и книжные магазины, где можно было достать все новинки, выходявшие в европейском зарубежье и в Москве. И еще были у Харбина его русские церкви с их благолепными службами и пасхальными колокольными звонами, и его поэтическое старое, военное кладбище, где между пошатнувшихся крестов расцветали весной нежные русские фиалки. Русского духа Харбина не смогли убить даже японцы²⁹.

Вс.Н. Иванов в своих воспоминаниях назвал Харбин «оазисом, где открыто обсуждались проблемы русской культуры и истории»³⁰.

В то же время Харбин у многих вызывал раздражение, причем, как у «белых», так и у «красных». Эмигрант полковник Н.В. Колесников в письме в Париж в начале 1920-х гг. писал о Харбине как «очаге международного отребья, жулья, уголовных преступников, спекулянтов, грабителей, аферистов и шулеров»³¹. В эмигрантской «правой» харбинской газете «Русский голос» делался акцент на том, что Харбин –

посредник в деле распродающейся оптом и в розницу России. Через Харбин прошли тысячи пудов русского золота, драгоценные ковры и обстановка дворянских поместий, даже части царской короны с брильянтами. Много, из того, что сплавляется здесь советскими агентами, задерживается в Харбине и цинично выставляется напоказ³².

Современные исследователи также указывают на роль Харбина как центра контрабандной и шпионской деятельности на Дальнем Востоке:

Контрабандная торговля (провоз опиума, золота, различных драгоценностей) – имела широкое хождение на КВЖД. Опиум шел из Приморья, со ст. Пограничная в Харбин (участвовали пограничные чины, железнодорожный обслуживающий персонал, полиция)³³.

В 1920-е гг. сформировались стереотипные представления о городе и с советской стороны, тогда же возникли устойчивые штампы «Белый Харбин», «гнилой и продажный» город, «город разврата», «ресторанов с голыми женщинами», «уголок отжившей и умершей царской России», «осиное гнездо контрреволюции»³⁴. Так, И. Строд, участник Гражданской войны, красный командир,

²⁹ *Крузенитерн-Петерец Ю.В.* Воспоминания // Россияне в Азии / под ред. О. Бакич. 2000. № 57. С. 132.

³⁰ *Иванов Вс.Н.* Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1995. № 1. С. 4.

³¹ ГАРФ. Ф. 5825. Оп. 1. Д. 161. Л. 4.

³² Русский голос. 1923. 10 февраля. С. 3.

³³ *Алексеев М.* Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М.: Кучково поле, 2010. С. 127.

³⁴ *Драудин Т.* Харбин // Вечерняя Москва. 1927. 15 ноября. С. 2; *Изгоев Н.* Белый омут // Известия. 1929. 17 июля.

в книге «В якутской тайге» (1930) описывал Харбин как город «бешеной интернациональной наживы, дикой беззастенчивой спекуляции, домов терпимости, чудовищной эксплуатации китайского населения», «злачный уголок» Северной Маньчжурии³⁵. С.Я. Алымов – поэт, проживший в Харбине несколько лет и вернувшийся в СССР в 1926 г., написал очерк «Харбин», в котором вывел образ «путанного» города, живущего «мошенничеством и надувательством». В очерке автор также делал акцент на топографии города:

Новый город – советский. Пристань – коммерсанты и темные дельцы. Кабаки, публичные дома, карты, притоны, опиекурильни. Модягоу – белогвардейский район, «Царское село», здесь доживают свои слепые дни разные беженцы. Район механических мастерских, примыкающий к Пристани, населен рабочими. Это единственное светлое место в Харбине. Здесь люди живут не по-харбински. В клубе-библиотеке – собрания, лекции и доклады. Здесь московские газеты и журналы. Мелькают пионерские галстуки. Фудзядян – полмиллиона китайцев – два полюса, два разных мира³⁶.

Раздражение вызывала также «пошлость буржуазной жизни» Харбина, его «сытость», падение нравов. Харбин в просоветской прессе обвиняли в безыдейности и гедонизме:

Харбин – дэнди. Он любит хорошо одеваться, вкусно есть, ухаживать за красивыми дамами, ездить на отличных автомобилях. < ... > Харбин любит все настоящее, хорошее, добротное, неподдельное. Город – щеголь, город – дэнди, город шика и блеска. Мужские лакированные ботинки, английское пальто, лакированная трость с золотым набалдашником, дорогой смокинг, модные дамские шляпки, манильские сигары. < ... > Фокстрот, коктейль, джесс и т.п.»³⁷.

Поэтесса Варвара Иевлева в одном из своих стихотворений назвала Харбин городом «блеска, денег и наживы»³⁸.

Даже советские консульские работники в аналитических записках отмечали, что состав местной эмигрантской колонии отличается от западноевропейской:

По сравнению с эмиграцией в Европе, местная часть более состоятельная и более «почвенная» (в смысле наличности в ее среде некоторых материальных фондов), ... с большим равнодушием относится и к своей истории, и к своим «заслугам». < ... > Маньчжурская эмиграция ... не была поставлена в необходимость переходить на положение национального меньшинства. Кроме того, в силу специфического режима для иностранцев, она не сразу подпала под пресс местных властей. Тем самым она сохранила в какой-то степени свою материальную базу и в то же время оказалась в какой-то мере свободной в определении своего национального статуса. < ... > Ос-

³⁵ Строд И. В якутской тайге. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. С. 16.

³⁶ Алымов С.Я. Харбин // РГАЛИ. Ф. 1885. Оп. 2. Д. 49. Л. 5–8.

³⁷ Новости жизни (Харбин). 1925. 27 марта. С. 3.

³⁸ Иевлева В. Город Харбин // Русская поэзия Китая: антология / сост. В. Крейд, О. Бакич. М.: Время, 2001. С. 214.

новная характеристика – слабая политическая сознательность и осведомленность по сравнению с Европой (эмигрантские круги мало насыщены «политиками») ³⁹.

О Харбине в 1920-е – 1930-е гг. писали, в основном, делая акцент на противостоянии «красных» и «белых», описывая столкновение советских ценностей и монархических настроений эмигрантов, радикализма и консерватизма, буржуазности и идеи равенства. Однако реальность состояла из множества страт и оказывалась шире традиционных схем классовой борьбы. Между различными слоями общества существовали непрерывная обратная связь и взаимодействие. Важно то, что здесь обе стороны имели возможность открыто обсуждать и контролировать друг друга. При внимательном анализе круга связей харбинцев обнаруживается, что эмигранты и советские граждане часто общались в ресторанах, на банкетах, играли вместе в карты, отдыхали на соседних дачах, посещали одни и те же концерты, ходили в церковь, крестили детей, делали визиты на пасху, отмечали совместно праздники ⁴⁰. В кинотеатрах Харбина демонстрировались как европейские и американские, так и советские фильмы ⁴¹. И советские граждане, и эмигранты танцевали одни и те же танцы, напевали одинаковые песенки, смотрели те же фильмы и спектакли. З. Жемчужная, приехавшая с мужем в Харбин из СССР для работы на КВЖД, отмечала в своих воспоминаниях:

Харбин был действительно особенный город, конгломерат религий, верований и обычаев. Железнодорожная администрация, от которой, в сущности, зависела вся деловая жизнь и благополучие города, не имела власти запретить эмигрантам молиться или иметь портреты царя в своих домах. Советчики, провозглашая себя атеистами и коммунистами, вели самый буржуазный образ жизни. < ... > Не было неприязни между советскими гражданами и эмигрантами, они свободно общались друг с другом ⁴².

И те, и другие много выигрывали от взаимодействия, особенно в культурной жизни. «Советское» Управление КВЖД не жалело средств на привлечение в Харбин лучших художественных коллективов Москвы и Ленинграда. В Харбин на средства КВЖД «выписывались из СССР» музыканты, актеры, солисты под конкретные спектакли и роли, причем оклады актеров в несколько раз пре-

---

³⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100«б». Оп. 4. П. 102. Д. 29. Л. 25–26.

⁴⁰ Многие из советских граждан Харбина вернулись в СССР в 1930-х гг., прошли «филтрацию» в органах ОГПУ – НКВД. Во время допросов бывшие «харбинцы» признавались, что часто общались с эмигрантами, вместе выпивали, одалживали у них деньги, за что были обвинены в связи с «реакционными элементами» – белогвардейцами. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 38. Д. 329.

⁴¹ Лисиенко А. Кинорынок Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии. 1934. № 3. С. 63–75.

⁴² Жемчужная З. Пути изгнания. Урал, Кубань, Москва, Харбин, Тяньцзинь. Воспоминания. Tenafly, New Jersey: Hermitage Publishers, 1987. С. 184.

вышли существующие в СССР ставки. Только за октябрь – декабрь 1927 г. в Железнодорожном собрании (Желсоб) – главной культурной площадке Харбина – было поставлено 12 опер (67 спектаклей), 11 пьес (44 спектакля) и 4 музыкальных концерта (17 спектаклей), количество зрителей на всех постановках составило 35 830 чел.⁴³ В спектаклях участвовали актеры и солисты, приглашенные из СССР, и местная труппа. Именно в Харбине началась карьера знаменитого актера Бориса Андреевича Бабочкина, игравшего в качестве артиста драмы в Харбинском Желсобе в 1928–1929 гг.⁴⁴, певца Сергея Лемешева, дирижеров А.Ю. Слуцкого, Я.А. Позена, А.М. Пазовского. Советский певец Е.Э. Витинг, выступавший в харбинской опере в 1928–1929 гг., проездом из Маньчжурии в Европу, дал в Риге интервью о жизни в Харбине:

Обилие денег в городе приводит к тому, что все жизнерадостны и веселы, опера, театры и балы переполнены. <...> Репертуар русской драмы, главным образом, классический. Большевики пытались ввести «революционный репертуар», но китайские власти скоро положили этому конец⁴⁵.

В Харбине в период 1920-х – 1930-х гг. еще существовал культурный плюрализм, которого уже не было в СССР. В то время как в Советском Союзе побеждало единообразие во всем – одежде, мыслях, образовании, поощрялись коллективная жизнь и коллективное мышление, в Харбине можно было найти богатое разнообразие форм общественной и культурной жизни. Сравнение харбинского и советского быта было явно не в пользу последнего.

Харбин. Наводнения на Сунгари 1932 года

⁴³ РГИА. Ф. 323. Оп. 3. Д. 37. Л. 132.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2655. Оп. 1. Д. 487. Л. 4

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 5758. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

Философ Н.А. Сетницкий (1888–1937), приехавший из СССР для работы на КВЖД, отмечал особую роль Харбина как посредника между Россией советской и эмигрантской. Он указывал на то, что Харбин – это самый молодой из русских городов, город, где «старое и новое соединено», где русские «не чувствуют себя чужими»:

Здесь возможно то, что оказалось невозможным ни в одном из других центров как в России, так и в Европе: сохранение всего выработанного русской жизнью до революции и приобщение ко всему новому, что дает русская современность; соединенье осознания задач и целей, а также способов и путей их осуществления. Поэтому здесь мы действительно стоим «Сторожею на Сунгари», оберегая все заветы, все наследство, переданное нам прошлым, и провозглашая все то, что нам подлежит совершить в будущем... призывая к общему делу, делу мира и преобразования⁴⁶.

Профессор Г.К. Гинс утверждал, что Харбин стал «местом рождения и соревнования разных идеологий»⁴⁷. Здесь Н.В. Устрялов выступал с идеями национал–большевизма, Н.А. Сетницкий в Харбине опубликовал работу Н.Ф. Федорова «Общее дело», занимался популяризацией его учения. В Харбине были опубликованы книги «пламенного националиста» В.Ф. Иванова и «Основы этики» К.И. Зайцева. Г.К. Гинс разработал в Харбине идеи «солидаризма», русские ученые-эмигранты внесли огромный вклад в изучение истории, природных ископаемых, флоры и фауны Северной Маньчжурии. Так, именно культура создала город, который из железнодорожной станции и распределительного пункта стал уникальным местом.

Вадим Крейд в предисловии к книге «Русская поэзия Китая» заметил:

До японской оккупации русские жили в Китае в условиях духовной свободы, вполне сравнимой, а в чем-то даже превосходящей степень свободы на Западе. < ... > Харбин был русским университетским городом и вместе с тем многонациональным культурным центром, в котором находились землячества и общины выходцев из Российской империи – поляков и латышей, евреев и грузин, армян и татар. Когда СССР начал на паях с китайским правительством контролировать работу КВЖД и в Харбине появились советские служащие, даже и тогда атмосфера терпимости оставалась прежней. Русское население в городе, основанном русскими, было огромным, жили как у себя дома. Так продолжалось до 1932 г., когда Маньчжурию проглотил великий Ниппон. С приходом японцев началось разорение русских и вытеснение их из Харбина⁴⁸.

---

⁴⁶ Сетницкий Н.А. Сторожею на Сунгари // Из истории философско-эстетической мысли 1920-х – 1930-х гг. Вып. 1. М.: Институт мировой литературы РАН, 2003. С. 256.

⁴⁷ Гинс Г. Харбин, эмиграция и культура // Заря (Харбин). 1938. 10 июля. С. 2.

⁴⁸ Русская поэзия Китая: антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. С. 10–11.

Но даже после оккупации Маньчжурии Японией в 1932 г., после отъезда почти 30 тысяч советских граждан в СССР, последовавшего после продажи КВЖД, когда русская колония в городе резко сократилась, русская эмиграция в Харбине сохранила свою этнокультурную самобытность⁴⁹. Когда во время советско-японской войны 1945 г. в Харбин вошла Красная армия, советских военных поразило «руссейший облик»⁵⁰ Харбина, сохранившийся дореволюционный быт и язык⁵¹.

Харбин, конец 1930-х гг.

Заключение

Харбин на протяжении своей истории несколько раз менял свое обличье: от административного центра КВЖД, «рудимента царской мечты о Желтороссии» (remnant of Tsarist dreams of Yellow Russia⁵²), транзитного пункта до «Белого Харбина», центра шпионской деятельности, оплота «реакционной японской военщины». Разные мемуаристы и исследователи, размышляя о феномене Харбина, делали акцент то на его «русскости», то на его «буржуазности» и «продажности», то на его космополитизме и широте.

⁴⁹ См.: Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск: Частная коллекция, 2008. С. 75–90.

⁵⁰ «Руссейший облик» – фраза из стихотворения Михаила Шмейссера, харбинца: Грустим по Северной Пальмире, /Но грусть о ней не так сильна, /Когда с изгнанием горьким мирит / Руссейший облик Харбина // Русская поэзия Китая: антология. С. 557.

⁵¹ См.: Кротова М.В. Август 1945 г. в Маньчжурии в воспоминаниях русской эмиграции // Нансеновские чтения: 2009. СПб.: Русская эмиграция, 2010. С. 117–130.

⁵² Bakich O. Valerii Pereleshin: life of a silkworm. P. 13.

Однако, несмотря на сформировавшиеся стереотипы о «гнилой, умирающей эмиграции», которые использовала советская пресса в 1920-е гг., у наблюдателей не было ощущения «мертвого, больного» города. Напротив, Харбин спешил жить, не хотел считать себя азиатским захолустьем, географической и исторической периферией. Здесь все переплелось – китайская экзотика, советское присутствие, дореволюционная русская культура, международная торговля. Такая пестрая мозаика делала Харбин на протяжении нескольких десятилетий привлекательным местом с развитой экономикой и огромным количеством общественных организаций и «малых групп».

Уникальность этого города была в том, что Харбин считался русским городом в Китае, где в 1920-е – 1930-е гг. тесно соседствовали идеологические противники – советская и эмигрантская колонии. Харбин с его сытой, обеспеченной жизнью был своеобразным «русским островком» в азиатском окружении, который давал возможность «отдохнуть» от революционных бурь, вернуться в старые, привычные формы дореволюционной жизни.

Два лагеря пересекались, не только противостоя, но и вступая в диалог, в котором еще можно было прояснить мировоззренческие, политические, эстетические, идеологические позиции, разрушить стереотипы в восприятии Другого. Азиатская обстановка корректировала отношения между этими группами, обнаружив более сходств, чем различий. Оба лагеря – советский и эмигрантский – были гораздо ближе, чем казалось. Ведь именно там, где отступали «белые» и «красные» сущности, обнажались особенности «русского» общего менталитета – общительность, безалаберность, непрактичность, стремление к справедливости, любовь к крайностям, «безмерность», открытость миру. В Харбине в период 1920-х – 1930-х гг. были намечены возможности «третьего пути», надежды на примирение, которые так и не были реализованы.

Интересно, что позже, в воспоминаниях, и эмигранты, и советские граждане идентифицировали себя, в первую очередь, как «харбинцы», чувство общей судьбы в условиях изоляции в чужой стране было выше идеологических различий⁵³. После исчезновения русской колонии в Маньчжурии в начале 1960-х гг. «харбинцы» оказались разбросанными по всему миру. В разных странах были организованы общества и землячества выходцев из Харбина, которые поставили перед собой задачу сохранить и осмыслить социальный и культурный опыт россиян, живших в Китае, передать детям и внукам глубокую любовь к России и ко всему русскому⁵⁴.

---

⁵³ Подобнее см.: *Merritt S.* «Матушка Россия, прими своих детей!» – Archival Materials on the Stalinist Repression of the Soviet Kharbintsy // Россияне в Азии / под ред. О. Бакич. 1998. № 5. С. 206.

⁵⁴ *Райан Н.* Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. С. 195–197.

Устойчивое выражение «Русский Харбин» потеряло сейчас свое значение, и сегодня русский след в этом городе практически не прослеживается. Однако остается важным его символическое значение как полифоничного города – перекрестка различных культур. Русского Харбина не существует, но он остается точкой притяжения для многих русских, о нем напоминает множество газет, журналов, книг, на обложках которых обозначено «место издания: Харбин». На примере истории Харбина можно проанализировать процессы восприятия другой культуры, сохранения идентичности, возможности компромисса и сосуществования разных социальных групп. Поляризация и раскол современного российского общества заставляют еще раз внимательно всмотреться в историю этого уникального города и изучить харбинский опыт.

Introduction

The city of Harbin was founded in connection with the construction of the Chinese Eastern Railway (CER) at the intersection of the railway with the Songhua River. The city developed as a commercial, industrial, and transport center of Northern Manchuria.¹ Rapid development of the city was associated with its favorable location at the crossroads of the main trade routes, auspicious political and economic conditions of the period, and with huge Russian public investment into the construction of the Chinese Eastern Railway as well. From the very beginning, the city was built according to the pre-planned project, which had been approved by the Board of the Society of the Chinese Eastern Railway in St. Petersburg.

---

¹ May 28, 1898 was considered to be the day when the city was founded.

Being actually a Russian colony, Harbin became the place to test new forms of economic activity, social life, and intercultural communication. After the Russian-Japanese war, in 1906, Harbin was opened for international trade and residence of foreigners, and in 1907 the Russian General Consulate opened in Harbin. After that the Japanese, American, English, German, French, Spanish and Belgian Consulates also appeared there. In 1907, the Harbin Stock Exchange was established, and the export of Manchurian grain and beans to the markets of Europe and Japan began, which gave a stimulus to the rapid development of the city.² In 1908 the work of the city government started and Harbin, previously considered just a railway settlement, received the official status of a city. After the Russo-Japanese War, Russia lost its interest in Northern Manchuria, but the city did not perish and was still developing rapidly. After the so-called heroic period (the initial period of Harbin history, associated with the Boxer Rebellion of 1900, when the city was besieged by the rebels, and also with the Russo-Japanese war, when Harbin became a rear base of the Russian army) and large

A map from the historical review of the CER of the year 1923

² For more details, see M.V. Krotova, *Harbin, the center of Russian influence in Manchuria (1898–1917)* [in Russian] (St Petersburg: Sankt Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov, 2010).

funds allocated by the state, Harbin went through several more stages in its development.

Being not formally included into the Russian Empire as its part, Harbin was similar to other Russian cities: it had a well-developed infrastructure, including Russian schools and higher educational institutions, Orthodox churches, an opera house, a playhouse, newspapers, and various societies. Extraordinary diversity of the population was characteristic of Harbin. As well as a significant number of Chinese and foreigners, immigrants from all parts of the Russian Empire lived there. Ethnic groups did not dissolve in the general mass of the urban population. They founded their own communities, built their own churches (in addition to Orthodox churches, there was a Polish Catholic church, a Lutheran church, an Armenian prayer house, a mosque, two synagogues, a Confucius temple, and various prayer houses in Harbin), and established ethnic schools and clubs. For a long time, Harbin was considered the center of Russian emigration in China. After the Soviet-Chinese agreements of 1924, the city was affected by the Soviets and become the only place in the world where a very large number of emigrants (the White Russians) and Soviet citizens (the Red Russians) lived together in the same city.

For several decades, Harbin remained the Russian Island in China. More than once did the city find itself in the thick of the world events, such as the Boxer Rebellion in China in 1900, the Russo-Japanese war of 1904–1905, the Russian Civil War of 1918–1922, the conflict of 1929 on the Chinese Eastern Railway (CER), the Japanese Invasion of Manchuria of 1932, the Soviet-Japanese war of 1945, the Chinese Civil War of 1946–1949, the handover of the Chinese Changchun Railway³ to China in 1952. Because of the deterioration of the Soviet-Chinese relations, the Russian-speaking population of Harbin almost disappeared in the 1960s.

Currently, Russian Harbin does not exist. Now it is a Chinese city, the center of Heilongjiang Province, with a population of more than 10 million people. But Harbin is still a symbol that binds many people together. At different times, the name of the city had different meanings: it was called Manchurian San Francisco, Eastern Paris, White Harbin, Chinese Geneva, Kitezh of the 20th Century, and Russian Atlantis. There are a lot of memoirs about this city, and the former Harbinites were among the first to try to understand the phenomenon of Harbin.⁴ Researchers from different countries turn to the history of the city in order to explain its charm and uniqueness.⁵

---

³ Since August 1945 the Chinese Eastern Railway was called the Chinese Changchun Railway also abbreviated as CER.

⁴ G.V. Melikhov, *White Harbin: the mid – 20s* [in Russian] (Moscow: Russkii put', 2003); N. Raian, *Russia – Harbin – Australia: preserving and losing the language as in the case of the Russian diaspora that lived through the 20th century outside Russia* [in Russian] (Moscow: Russkii put', 2005); E.P. Taskina, *Unknown Harbin* [in Russian] (Moscow: Prometei, 1994); E.P. Taskina comp., *Russian Harbin: An Anthology* [in Russian] (Moscow: Nauka, 2005); O. Bakich, *Harbin Russian Imprints: Bibliography as History, 1898–1961: Materials for a definitive bibliography*

Today it is difficult to distinguish between the symbolic and the real Harbin. On the Internet, there are several Russian-speaking forums dedicated to the history of the city, there is even the Internet platform Harbin, an “informational and analytical forum of the Russian Right-Wing Conservatism,” which, according to its authors, unites emigrants “in spirit and in feeling.” The scope of the forum is given on its site:

In fact, Harbin was a full-fledged non-Soviet Russian city, a fragment of historical Russia... Today we no longer have such a city, but there are still those Russian people who represent true Russia. Therefore, it is quite logical that the site where those people are communicating should also be called “Harbin” to commemorate the city that the Russian people once built “in reserve” or “just in case.”⁶

Thus, the name of the city is filled with new meanings and the symbolic Russian Harbin continues to exist.

Harbin can be considered a polyphonic, multidimensional city, in the history of which one can find examples of co-existence of various cultures and ideologies that not only experienced mutual influence, but also “clarified” each other. The research into the history of Harbin also provides great opportunities to explore the issue of “viability, vitality and stability of ethnic groups,”⁷ the formation of stereotypes and

---

(NY, Paris: Norman Ross Publishing Inc., 2002); O. Bakich, “Russian Education in Harbin: 1898–1962,” *Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA*, vol. 26 (1994): 269–94.

⁵ A.M. Buyakov, I.K. Kapran, and M.B. Serdyuk, eds. *Questions of history of the Chinese Eastern Railway and the city of Harbin (The 120th anniversary of construction)* [in Russian] (Vladivostok: Vladivostokskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i servisa, 2018); A.A. Zabayako, et al., *Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far-Eastern frontier* [in Russian] (Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2015); M.L. Dubaev, *Harbin's secret of Roerich. Nicholas Roerich and Russian emigrants in the East* [in Russian] (Moscow: Sfera, 2001); I.K. Kapran, *Everyday life of the Russian population in the city of Harbin (late 19th century – the 1950s)* [in Russian] (Vladivostok: Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet, 2011); N.P. Kradin, *Harbin – the Russian Atlantis: Essays* [in Russian] (Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya, 2010); S.V. Smirnov, *Russian emigrants in Northern Manchuria in 1920–1945 (the problem of social adaptation)* [in Russian] (Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2007); M. Gamsa, “Harbin in Comparative Perspective,” *Urban History*, vol. 37, no. 1 (2010): 136–49; F. Gruner, “Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space,” in *Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonging in a Transnational World*, ed. B.D. Behnken and S. Wendt (Lanham: Lexington books, 2013), 183–205; M. Ikuta, “Two Russians in Harbin: The Émigré Community and the Soviet Colony,” in *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945*, ed. Kimitaka Matsuzato (Lanham: Lexington Books, 2017), 175–87.

⁶ Internet platform “Harbin.” [in Russian] URL: <https://harbin.lv/nashi-idei-i-nashi-zadachi> (accessed December 12, 2018).

⁷ A.A. Zabayako, et al., *Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far-Eastern frontier*, 6.

mythology, the new readings of the topography of the city, and the research of its function as a link between emigration and the USSR as well.

Main Body

From the very beginning of its construction, Harbin had an ambiguous reputation. Many stereotypes about the city arose in the early 20th century. In the Russian press, it was presented as a city of the American type, with its energetic population, vigorous activities, and a promising future. After the Russo-Japanese war the press presented Harbin as a “dissolute and profligate” city, “rich in temptations,” and distinguished by “unenviable morals.”⁸ Later on, this point of view became even more common.

The topography of the city reflected its functions and history. From the very beginning of construction, three districts were formed in the territory of the city. Those were Old Harbin, inhabited mainly by the border guard officers of the Trans-Amur region; the New City, the administrative settlement, where railway workers mostly resided, and the Wharf, a commercial and working district (called *Pristan'* by the Russians). The Chinese population lived mostly in Fujiadian, a suburb of Harbin. Such structure of the city was preserved later. Elena Jacobson, who moved to Harbin with her parents in 1926, remembered:

...at that time it was the largest Russian city outside Russia; Russians felt at home here and were not considered foreigners. A variety of social groups lived in Harbin and the city was divided into quarters each of which had its own face. As in many European cities, in Harbin there were parks, wide boulevards, solid brick houses, big stores, specialties shops, cafes and restaurants. One could move along the noisy streets in trams, taxis, buses, or Russian cabs, whose drivers changed their carriages for sleighs in winter. The business center of the city was located in the area called the Wharf district, close to the Sungari River. Along the river there were factories and workshops. The first Russian settlers built luxurious houses and mansions here. The main residential quarter was called ‘the New City.’ Trees grew along the sides of wide streets and wonderful private gardens came in sight from behind the fences. The board members of the CER and the highest Soviet officials settled there. Poorer areas were located in the outskirts of the city, where the soldiers of the defeated White Army found shelter.⁹

The city was growing rapidly. In 1903, 5 years after its foundation, 44.6 thousand people resided in Harbin (of them, 15.6 thousand were Russian citizens, and more than 28 thousand were Chinese citizens);¹⁰ in 1913, according to the population cen-

---

⁸ *Dal'nii Vostok*, January 1, 1908.

⁹ E. Yakobson, *Crossing the Borders* [in Russian] (Moscow: Russkii put', 2004), 53–54.

¹⁰ Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA), f. 323, op. 1, d. 914, l. 16. [in Russian]

sus, there were as many as 68 549 people in Harbin;¹¹ in 1923, according to the police department of the ORVP,¹² 122 821 people lived in Harbin; in 1929, the city had 160 670 residents, of whom 26 759 were Soviet citizens and 30 362 were Russian emigrants¹³. However, as the population grew, the proportion of Russians in Harbin reduced, especially after the sale of the CER. According to the population census, as of the end of July 1935, there were 456 506 residents in Harbin and its suburbs, including 380 960 Manchus,¹⁴ 30 143 Russian emigrants, 13 579 Soviet citizens, 19 284 Japanese, 5 408 Koreans, 1 287 Poles, 335 Germans, 190 Englishmen, 171 Latvians, 159 Czechs, 99 Frenchmen, 99 Americans, 57 Danes, 49 Italians, 38 Lithuanians, 37 Austrians, 26 Greeks, 16 Dutchmen, 14 Armenians, 14 Swedes, 10 Portuguese, 8 Indians, 7 Hungarians, 6 Swiss, 4 Turks, and 1 citizen of Romania.¹⁵

Being a Russian city built in the Chinese territory, Harbin had its own unique and original way of life. What made city life specific was the close neighborhood of its Russian and Chinese populations. On the one hand, the city and the railway needed cheap Chinese labor, on the other hand, Chinese found quite good incomes here, being employed as builders, workers, porters, servants, etc. and supplying the city with food. Russian exporters could not do their business without Chinese agents or middlemen, while the Chinese merchants used the Russian railway to export their own goods, etc. For many Harbin Russians, China had become the second homeland, and for those born in Harbin it was the true motherland. In the pages of the Harbin press one could often hear the appeals not to forget about “gratitude and respect” for the people on whose “hospitable soil” Russians came:

Harbin is a place where two great nations meet. Here you need to live together. And learn together. And most importantly, learn to live together.¹⁶

The textbooks for Russian schools in Northern Manchuria drew attention to the “amazing diligence, unpretentiousness, and peacefulness” of the Chinese people, “meekness of their nature, irrepressibly good spirits, and inexhaustible cheerfulness”, and their amazing ability to trade as well.¹⁷ However, in connection with the growing

---

¹¹ *Izvestiya Kharbinskogo obshchestvennogo upravleniya*, no. 9, 1913, 1. [in Russian]

¹² ORVP, the abbreviation for the special area of the Eastern provinces (Osobyi raion Vostochnykh provintsi) was used to denote the CER right-of-way since 1920 when the administrative authority was transferred to the Republic of China.

¹³ V.A. Kormazov, “Population growth in Harbin and in Fujiadian” [in Russian], *Vestnik Man'chzhurii* (Harbin), no. 7 (1930): 25.

¹⁴ During the Japanese occupation, for political reasons among other things, the Chinese were often referred to as the Manchus.

¹⁵ *Kharbinskoe vremya*, August 29, 1935, 4. [in Russian]

¹⁶ *Den' Politekhnika* (Harbin), November, 1924, 1. [in Russian]

¹⁷ A.P. Michurin, *Northern Manchuria. Textbook for elementary grades of secondary schools* [in Russian] (Harbin: Yakor', 1928), 9.

national self-awareness of the Chinese people and the events in Russia, there was a certain tension in relations, which manifested itself both on the official level and in everyday life.

Until 1920 Harbin was actually governed by the Russian administration but on September 23, 1920, following the presidential decree of the Chinese Republic, all embassies and consulates of the Russian Empire were closed down, and the subsequent decrees deprived Russian citizens of extraterritoriality, disbanded and abolished the Russian court, police, military units and other institutions. However, Russian influence remained quite strong. In the 1920s, travellers wrote about Harbin the following:

It is a Russian rather than a Chinese city. Here one can hardly find a Chinese who does not understand the Russian language at all. Even half of the Chinese administration here are Russians... Harbin is a cultural city in the European way and in this respect it has left far behind the capital of China Beijing.¹⁸

After his return to the USSR in 1934, S.G. Skitalets, a writer who lived in Harbin for 13 years, described the city as follows:

Harbin, which was founded only 30 years ago, developed from a remote Chinese village into a large, vibrant, international city... Despite the predominance of the Chinese population, the appearance of the city is Russian: in the foreground are the Russian language, Russian trade, Russian theatre, and Russian press.¹⁹

Valery Pereleshin, a well-known poet, who spent his childhood years and youth in Harbin, in a letter of 1968 admitted that he had missed the Russian presence in Harbin – schools, libraries, the university and the church. In fact, it was in Russian Harbin where he became acquainted with Russian literature, fell in love with it and became a Russian poet.²⁰

---

¹⁸ M.Ya. Primorskii, *To China and Back. Travel Notes* [in Russian] (Moscow: Novaya Moskva, 1926), 94.

¹⁹ S.G. Skitalets, "Emigrant literature" [in Russian]. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI), f. 484, op. 2, d. 49, l. 23.

²⁰ O. Bakich, *Valerii Pereleshin: The Life of a Silkworm* (Toronto: University of Toronto Press, 2015), 14.

Photograph from the collection of a Harbinite V.P. Albamskii

Harbin was a point of crossing interests of different countries – Russia, Japan, China, Germany, the USA, and others. Thus, Harbin was a sensitive barometer of the international situation in the Far East. All the fluctuations of the political and economic situation in Russia and China are reflected in the history of the city. After the revolution and the Russian Civil War, Harbin became one of the centers of Russian diaspora, a kind of “haven for all those suffering and in need.”²¹ Not only did the remnants of the White armies rush to Harbin, but also the civilian population, merchants, and intelligentsia.

The Soviet-Chinese agreements of 1924 changed the situation in the city because the CER was run by the USSR and China on a parity basis since then. The General Consulate of the USSR was opened in Harbin, and many of the old residents and refugees took Soviet citizenship. The so-called Soviet period in the history of Harbin (1924–1935) was one of the most interesting and fruitful periods in the history of the city. One of the important features of Harbin was its close contact with Soviet Russia caused by the existence of the CER and the closeness of the Soviet-Chinese border. Artists, doctors, writers and painters came from Soviet Russia to Harbin, Soviet press and books were received, active correspondence between Harbinites and their relatives in the USSR took place, packages arrived, and CER employees constantly transferred money to the USSR.

---

²¹ A.A. Zabiako, et al., *Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far-Eastern frontier*, 143.

Many writers, painters, and travellers left their impressions of Harbin of the 1920s, trying to catch its image and character. Each of those artists saw Harbin in their own way and opinions differed depending on the “optics” of an artist. Thus, Colonel I.S. Ilyin, who came to Harbin with the remnants of the White army in February 1920, wrote down in his diary his first impressions of the city:

Everyone here enjoys a great, replete live, as they say, without hassle and worries... First of all, the old Harbin with its way of life and traditions remains almost completely unchanged... In Russia, in St. Petersburg, even during peacetime, we did not have such a drunken and abundant life as it is here now... Everyday activities here are well established, life is stable and conservative. On the one hand, there is the undoubted breadth, large scale, original colonizing abilities, that is an unusually easy disposition and tolerance. On the other hand, everything is somewhat unbalanced, frivolous, and without sufficient reason.²²

However, after a few years of living in China, on June 25, 1929, Ilyin wrote in his diary: “Harbin is a beautiful cultural city... Everything can be obtained, everything is cheap, and everything lives and boils in the fast spirit of contest and competition.”²³

Christine Benagh devoted several pages of her book about Charles Gibbes, an Englishman, a tutor and teacher of the children of Emperor Nicholas II, to Gibbes’s life in Harbin after 1922. It was the time filled with somewhat risky adventures and a pleasant social life.²⁴ Relying on the correspondence of Gibbes, Benagh described Harbin as the largest Russian city outside Russia:

The magnificent Orthodox churches, shops, markets, entertainment places, cafes – everything a decent Russian city could offer – created the pre-revolutionary atmosphere with an aura that existed until the 1970s.²⁵

According to Benagh, Harbin, was not a nasty, deserted place, and Gibbs felt here at home.²⁶ Apparently, this feeling was familiar to many people. Later on, many Harbin residents wrote about this feeling of recognition and special comfort. E. Berkovskaya, daughter of N.A. Setnitsky, the CER employee until 1935, wrote in her memoir:

---

²² Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF), f. P-6599, op. 1, d. 8, l. 5, 33–34, 60. [in Russian]

²³ GARF, f. P-6599, op. 1, d. 10, l. 15.

²⁴ Gibbs was baptized into Orthodoxy in 1934 in Harbin and then, in 1935, he took the monastic vows under the name of Nikolai. In 1937 he returned to England, where he founded an Orthodox monastery.

²⁵ C. Benagh, *An Englishman in the Court of the Tsar: The Spiritual Journey of Charles Sydney Gibbes* [in Russian] (St Petersburg: Tsarskoe delo, 2006), 232.

²⁶ C. Benagh, *An Englishman in the Court of the Tsar*, 233.

Our life in Harbin was unusually prosperous; although not very rich, it was very comfortable. Puna [father – M.K.] helped his relatives and friends who lived in Russia.²⁷

V.Ya. Yankovsky, an emigrant who described his visit to Harbin in the mid-1930s, noted:

Harbin-Papa, as the city was called, matched Odessa-Mama in the twenties, thirties, and in the early forties. Except for Fujiadian, its purely Chinese part, the city was absolutely Russian. Shops, restaurants, cafes, pastry shops, offices, institutions, gymnasiums and higher educational institutions – every building had its sign in Russian.²⁸

Y. Kruzenshtern-Peterets, a Harbinite, wrote in her memoirs about the special atmosphere of Harbin:

A charming, miserable, one-of-a-kind city... Here, more than in other places, perhaps, they want to remain the Russian citizens... Russian theatre, unique Russian taverns with gypsies, restaurants with hot pies where you could hear the debates developing into quarrels that were always about the same thing, about Russia... In the years of devastation, Harbin managed to create his Polytech, the Oriental Institute and the Law Faculty, where Ustryalov lectured. Harbinites sent their children to Russian gymnasiums; the city had wonderful libraries and bookstores where one could get all the new books published in European countries and in Moscow. Also, Harbin had its Russian churches with their splendid services and Easter bell ringing, and its poetic old military cemetery where delicate Russian violets bloomed in the spring between shaky crosses. Even the Japanese could not kill off the Russian spirit of Harbin.²⁹

In his memoirs, Vs.N. Ivanov called Harbin “an oasis where the problems of Russian culture and history were openly discussed.”³⁰

At the same time, Harbin made a lot of people feel annoyed, and, interestingly, it displeased both the Whites and the Reds. Colonel N.V. Kolesnikov, an emigrant, in his letter to Paris dated by the early 1920s, describes Harbin as a “hotbed of international trash, crooks, criminals, speculators, robbers, swindlers and cheats.”³¹ The right-wing Harbin emigrant newspaper *Russkii Golos* (the Russian Voice) emphasized:

---

²⁷ E.N. Berkovskaya, *The Fate of the Crossing. Memoires* [in Russian] (Moscow: Vozvrashchenie, 2008), 90–91.

²⁸ V.Ya. Yankovsky, *From Sidemi to Noviny. The Saga of the Far East* [in Russian] (Vladivostok: Rubezh, 2011), 234–35.

²⁹ Yu.V. Kruzenshtern-Peterets, “Memories.” [in Russian] In *Rossiyanе v Azii*, ed. by O. Bakich, no. 57 (2000): 132.

³⁰ Vs.N. Ivanov, “Exodus. The narration about time and about oneself” [in Russian], *Dal'nii Vostok*, no. 1 (1995): 4.

³¹ GARF, f. 5825, op. 1, d. 161, l. 4.

Harbin was an agent in selling out Russia wholesale and retail. It was a transshipment point for thousands of pounds of Russian gold, precious carpets, furnishings of manorial estates, even parts of the royal crown encrusted with diamonds. Much of what is being sold here by the Soviet middlemen remains in Harbin and is cynically paraded.³²

Modern researchers also highlight the role of Harbin as a center of smuggling and espionage activities in the Far East:

Smuggling – transportation of opium, gold, and various jewels – was quite common on the CER. Opium came to Harbin from Primorye, from the Pogranichnaya border station (border officials, railway attendants, and police officers participated in smuggling activities).³³

In the 1920s, the Soviet side also formed stereotype ideas about the city. It was the time when certain long-living clichés were coined, such as “White Harbin,” “rotten and corrupt city,” “the city of sin,” “restaurants with naked women,” “the corner of obsolete and deceased Tsarist Russia,” or “the den of counterrevolution.”³⁴ Thus, I. Strod, a Red commander and a participant of the Civil War, in his book *V yakutskoi taige* (In the Yakut Taiga) (1930), described Harbin as a city of “wild international gain, wild shameless speculation, houses of tolerance, monstrous exploitation of the Chinese population,” and “the tenderloin” of the North Manchuria.³⁵ S.Ya. Alymov, a poet who lived in Harbin for several years and returned to the USSR in 1926, wrote an essay “Harbin” in which he derived the image of a “rotten” city living in “fraud and deception.” In his essay the author also emphasized the topography of the city:

The New City is Soviet. The Wharf is merchant and black-market. Pothouses, brothels, gambling, dens and lays for opium lovers. Modyagou is a district of White Guardists, a kind of *Tsarskoye Selo*. [Tsarskoye Selo is the former summer residence of Russian Tsars, a suburb of St Petersburg where the imperial court resided, the guards were quartered, the nobility had a rest in summer cottages, and the retired dignitaries took their residence – M.K.] It is an asylum for various refugees living through their final “blind” days. The district of mechanical workshops neighboring the Wharf is inhabited by workers. This is the only heartwarming place in Harbin. This is where people do not live the Harbin way. The library club offers meetings, lectures and public talks. Moscow newspapers and magazines can be found here. Every now and then one can spot red scarves worn by Young Pioneers. Fujiadian with its half a million of the Chinese is the place of two poles, of two different worlds.³⁶

³² *Russkii Golos*, February 10, 1923, 3. [in Russian]

³³ M. Alekseev, *Soviet Military Intelligence in China and the Chronicle of the “Chinese turmoil” (1922–1929)* [in Russian] (Moscow: Kuchkovo pole, 2010), 127.

³⁴ T. Draudin, “Harbin” [in Russian], *Vechernyaya Moskva*, November 15, 1927; N. Izgoev, “White whirlpool” [in Russian], *Izvestiya*, July 17, 1929.

³⁵ I. Strod, *In the Yakut Taiga* [in Russian] (Moscow, Leningrad: Molodaya gvardiya, 1930), 16.

³⁶ S.Ya. Alymov, “Harbin” [in Russian], RGALI, f. 1885, op. 2, d. 49, ll. 5–8.

Also, the discontent was caused by the “shallowness of Harbin bourgeois life,” its “satiety” and decline of morals. The pro-Soviet press accused Harbin of lack of moral substance and hedonism:

Harbin is a dandy. The city enjoys being well dressed, eating deliciously, courting beautiful ladies, and riding excellent cars... Harbin loves everything genuine, of good quality, and uncounterfeit. The city is a fop, a place of chic and glamour. Men’s patent-leather shoes, English overcoats, lacquered walking sticks with gold knobs, expensive tuxedos, fashionable lady’s hats, manila cigars... Foxtrot, cocktail, jess, and so on.³⁷

In one of her poems, the poetess Varvara Ievleva called Harbin the city of “brilliance, money and profit.”³⁸

Even Soviet consular officials wrote in their analytical notes that the composition of the local émigré colony was different from that in Western Europe.

Compared to the emigrants in Europe, the local segment is more affluent and more “grounded” (meaning the possession of some assets)... indifferent to both its history and merit... The Manchurian émigrés... were not compelled to assume the position of a national minority. Moreover, due to the specific regime for foreigners, they did not immediately fall under the pressure of local authorities. Therefore, they managed to preserve their material resources to some extent and at the same time proved to be somewhat free in determining their national status... If compared to Europe, their main characteristic is the weakness of political consciousness and awareness (there are few “politicians” in the emigrant circles).³⁹

Many authors wrote about Harbin of the 1920s–1930s, focusing mainly on the opposition of the Reds and the Whites when describing the conflict between the Soviet values and the monarchical sentiment of emigrants, between radicalism and conservatism, and between bourgeoisie and the idea of equality. However, the reality consisted of many strata and extended beyond the traditional schemes of class struggle. There was continuous feedback and interaction between different social strata. It is important to point out that both sides had the opportunity to openly discuss and control each other. Thus, careful analysis of Harbinites’ circle of contacts reveals that the emigrants and the Soviet citizens often communicated in restaurants and at various banquets, played cards together, had rest in neighboring summer cottages, attended the same concerts, went to church, baptized children, paid Easter visits, and cele-

---

³⁷ *Novosti zhizni* (Harbin), March 27, 1925, 3. [in Russian]

³⁸ V. Ievleva, “The City of Harbin,” in *Russian poetry of China: an anthology*, Kreid, V.P. and O.M. Bakich, comps. [in Russian] (Moscow: Vremya, 2001), 214.

³⁹ Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (AVP RF), f. 0100“b”, op. 4, p. 102, d. 29, ll. 25–26.

brated holidays together.⁴⁰ Harbin cinemas showed Soviet as well as European and American pictures.⁴¹ Both the Soviet citizens and the emigrants danced the same dances, sang the same songs, watched the same films and attended the same performances. Z. Zhemchuzhnaya, who came to Harbin from the USSR to work on the CER together with her husband, noted in her memoirs:

Harbin was a truly special city, a conglomeration of religions, beliefs and customs. The railway administration, which, in fact, the city's business life and well-being depended upon, did not have the authority to forbid the emigrants to pray or to have portraits of the tsar in their homes. The counselors, who had proclaimed themselves atheists and communists, led most bourgeois life... There was no hostility between Soviet citizens and emigrants and they communicated with each other freely.⁴²

Both Soviet citizens and emigrants benefited a lot from the interaction, especially in cultural life. The Soviet Directorate of the CER did not spare funds for attracting the best artistic groups from Moscow and Leningrad to Harbin. Musicians, actors, and soloists received personal invitations to Harbin from the USSR at the expense of the CER to participate in certain performances and play certain roles, and their salaries were several times higher than the existing rates in the USSR. Only in October–December 1927, at the Railway Assembly (*Zheleznodorozhnoye sobraniye*, or *Zhelsob*), which was the main cultural platform of Harbin, 12 operas (67 performances), 11 plays (44 performances) and 4 musical concerts (17 performances) were staged, and the audience amounted in total to 35 830 people.⁴³ Actors and soloists who had been invited to come from the USSR participated in the performances side by side with the local troupe. Harbin was the place to launch the careers of Boris Andreevich Babochkin, a famous actor who was a drama artist at *Zhelsob* in 1928–1929;⁴⁴ Sergey Lemeshev, the singer; and A.Yu. Slutsky, Ya.A. Posen, and A.M. Pazovsky, the conductors. When passing through from Manchuria to Europe, the Soviet singer E.E. Viting, who performed at the Harbin Opera in 1928–1929, spoke about his life in Harbin in an interview he gave in Riga:

---

⁴⁰ Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI), f. 17, op. 38, d. 329. Many Soviet citizens of Harbin returned to the USSR in the 1930s and were “filtered” by the OGPU–NKVD. During interrogations, the former Harbinites confessed that they used to associate with emigrants, drink together, and borrow money from them, which is why they were accused of association with the White Guardists who were termed reactionary elements.

⁴¹ A. Lisienko, “Film Market of Northern Manch” [in Russian], *Vestnik Man'chzhurii*, no. 3 (1934): 63–75.

⁴² Z. Zhemchuzhnaya, *Ways of Exile. Ural, Kuban, Moscow, Harbin, Tianjin. Memoires* [in Russian] (Tenafly, N.J.: Hermitage Publishers, 1987), 184.

⁴³ RGIA, f. 323, op. 3, d. 37, l. 132.

⁴⁴ RGALI, f. 2655, op. 1, d. 487, l. 4.

The amount of money in the city results in the fact that everyone is happy and cheerful and opera, theatres and balls are overcrowded... The repertoire of Russian drama is mainly classical. The Bolsheviks tried to introduce revolutionary repertoire, but the Chinese authorities stopped it quite soon.⁴⁵

Harbin of the 1920s–1930s could still enjoy cultural pluralism which was no longer characteristic for the USSR. While in the Soviet Union uniformity in everything was winning – in clothes, thoughts, education – and collective life and collective thinking were encouraged, in Harbin one could find a wide variety of social and cultural life. The comparison of Harbin and Soviet lifestyle was clearly not in favor of the latter.

Harbin. The 1932 Sungari river flood

N.A. Setnitsky (1888–1937), a philosopher who came from the USSR to work on the CER, pointed out the special role of Harbin as a mediator between Soviet and emigrant Russia. He stressed that Harbin was the youngest of the Russian cities where “the old and the new were connected” and where Russians “did not feel like strangers”:

What is possible here would be impossible in any other center both in Russia and in Europe: the preservation of everything created by the Russian way of life before the revolution and the introduction of everything new that the Russian modernity brings; the connection between the awareness of the tasks and goals, and of the ways and means of implementing them as well. That is why here we really stand as Watchmen on the Sungari, protecting all the precepts and the heritage bequeathed to us by the past, and declaring every-

---

⁴⁵ GARF, f. 5758, op. 1, d. 2, l. 32.

thing that we are to accomplish in the future... calling for a common cause, the cause of peace and transformation.⁴⁶

Professor G.K. Guins said that Harbin had become “the place of birth and competition for different ideologies.”⁴⁷ Harbin was the place where N.V. Ustryalov spoke out the ideas of National Bolshevism, and N.A. Setnitskii published the work of N.F. Fedorov *Obshchee delo* (The Common Cause) and promoted his teaching. The books by the “ardent nationalist” V.F. Ivanov and the *Basics of Ethics* by K.I. Zaitsev were also published in Harbin. Here G.K. Gins elaborated the ideas of solidarism. Russian emigrant scientists made an enormous contribution to the study of history, natural resources, flora and fauna of Northern Manchuria. So, it was actually culture that created the city which evolved from a railway station and ordinary transit point into a unique place.

In the preface to the book *Russian Poetry of China*, Vadim Kreid noted:

Before the Japanese Invasion, Russians lived in China under the conditions of spiritual freedom, quite comparable with and in some ways even greater than the degree of freedom in the West... Harbin was both a Russian university city and a multinational cultural center which hosted fellow associations and communities of immigrants from the Russian Empire: Poles and Latvians, Jews and Georgians, Armenians and Tatars. Even when the USSR got joint control over the operations of the CER together with the Chinese government and Soviet employees came to Harbin, the atmosphere of tolerance remained unchanged. The Russian population of the city, which had been founded by Russians, was numerous, and all those people felt at home. That continued until 1932, when the great Nippon swallowed Manchuria. With the arrival of Japanese, Russians started losing their assets and were forced out of Harbin.⁴⁸

Even after the Japanese Invasion of Manchuria of 1932, after the sale of the CER and subsequent departure of almost 30 thousand Soviet citizens to the USSR when the Russian colony in the city dramatically reduced, the Russian emigration in Harbin retained its ethno-cultural identity.⁴⁹ When the Red Army entered Harbin during the Soviet–Japanese War of 1945, the Soviet military were struck by “the most Russian appearance”⁵⁰ of the city and its pre-revolutionary lifestyle and language.⁵¹

⁴⁶ N.A. Setnitskii, “Watchman on the Sungari,” in *From the history of philosophical and aesthetic thought of the 1920s–1930s, issue 1* [in Russian] (Moscow: Institut mirovoi literatury RAN, 2003), 256.

⁴⁷ G. Gins, “Harbin, Emigration and Culture” [in Russian], *Zarya (Harbin)*, July 10, 1938, 2.

⁴⁸ V.P. Kreid and O.M. Bakich, comps., *Russian Poetry of China: An Anthology* [in Russian] (Moscow: Vremya, 2001), 10–11.

⁴⁹ See E.E. Aurilene, *The Russian Diaspora in China (1920s – 1950s)* [in Russian] (Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya, 2008), 75–90.

⁵⁰ Kreid and Bakich, *Russian poetry of China*, 557. “The most Russian appearance” (“Russeishii oblik”) is a phrase from the poem by Mikhail Shmeisser, a Harbinite: “Grustim po Severnoi

Harbin, late 1930s

Conclusion

Throughout its history, the city of Harbin changed its appearance several times, turning from the administrative center of the CER, a “remnant of tsarist dreams of Yellow Russia,”⁵² into the transit point to White Harbin, the center of espionage activities and the stronghold of the “reactionary Japanese military activities.” Reflecting on the phenomenon of Harbin, some memoirists and researchers focused either on its Russianness or on its bourgeois lifestyle and corruption while others stressed its cosmopolitanism and broad horizons.

However, despite the established stereotypes of rotten and dying emigration used by the Soviet press in the 1920s, the observers actually notices very few signs of a sick and dying city in Harbin. On the contrary, Harbin was in a hurry to live and did not want to think of itself either as Asian backwoods or as geographical and historical periphery. Everything was interwoven here – the Chinese exotics, the Soviet presence, the pre-revolutionary Russian culture, and the international trade. For several decades, such colorful mosaic turned Harbin into an attractive place with a well-developed economy and a huge number of public organizations and small groups.

What makes Harbin unique is the fact that it was considered a Russian city in China, where the ideological opponents, the Soviet and emigrant colonies, lived side

---

Pal'mire, / No grust' o nei ne tak sil'na, / Kogda s izgnan'em gor'kim mirit / Russeishii oblik Kharbina” [in Russian] [We miss Northern Palmyra but our sadness is not so strong because the most Russian appearance of Harbin reconciles us with our bitter exile].

⁵¹ See M.V. Krotova, “August 1945 in Manchuria in the memoirs of Russian emigrants” [in Russian], in *The Nansen Readings: 2009* (St Petersburg: Russkaya emigratsiya, 2010), 117–30.

⁵² Bakich, *Valerii Pereleshin*, 13.

by side in the 1920s–1930s. Harbin with its flourishing prosperous lifestyle was a sort of a Russian island in Asian environment, which made it possible to take a rest from the revolutionary storms and to return to the old customary ways of pre-revolutionary life.

The two camps intersected not only to confront each other, but also to start the dialogue in which it was also possible to clarify world-view, political, aesthetic, and ideological positions, or to destroy stereotypes in the perception of the Other. Asian environment corrected the relations between these groups revealing more similarities than differences. Both camps – the Soviet and the emigrant – were much closer to each other than it seemed. After all, when the backgrounds of the Whites or the Reds withdrew, their place was taken by the typical features of the general Russian mentality – sociability, carelessness, impracticality, yearning for justice, love of extremes, immeasurability, and openness to the world. Harbin of the 1920s–1930s outlined the possibilities of the third way and the hope for reconciliation which were not to come into life.

It is remarkable that later on, in the memoirs, both the local immigrants and the Soviet citizens identified themselves primarily as Harbinites in the first place; the feeling of the common fate under the conditions of isolation in a foreign country was more important than any ideological differences.⁵³ After the disappearance of the Russian colony in Manchuria in the early 1960s, Harbin Russians were scattered around the world. Harbin Societies and communities were established in different countries to pursue the goal of preserving and interpreting social and cultural experience of the Russians who lived in China and of transferring deep love for Russia and for everything Russian to their children and grandchildren.⁵⁴

The set phrase *Russian Harbin* has lost its meaning and today the Russian trace in this city is hardly noticeable. However, Harbin still retains its symbolic significance as a polyphonic city and the crossroads of different cultures. Russian Harbin does not exist anymore but it remains a point of attraction for many Russians and a great number of newspapers, magazines and books marked with “Place of publication: Harbin” remind us about it. Using the example of the history of Harbin, one can analyze the processes of perceiving a different culture, preserving the identity, fulfilling the possibility of compromise and co-existence with different social groups. Polarization and split in contemporary Russian society make it necessary to take a closer look into the history of this unique city and to study the experience of Harbin.

---

⁵³ For further details, see S. Merritt, “‘Matushka Rossiya, primi svoikh detei!’: Archival Materials on the Stalinist Repression of the Soviet Kharbintsy,” *Rossiyanе v Azii*, no. 5 (1998): 206.

⁵⁴ N. Raian, *Russia – Harbin – Australia: Preserving and Losing the Language as in the Case of the Russian Diaspora that Lived through the 20th Century outside Russia* [in Russian] (Moscow: Russkii put', 2005), 195–97.

Литература

Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М.: Кучково поле, 2010. 608 с.

Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск: Частная коллекция, 2008. 268 с.

Бенаг К. Англичанин при Царском Дворе: духовное паломничество Чарльза Сиднея Гиббса / пер. с англ. В.В. Кузнецова. СПб.: Царское дело, 2006. 300 с.

Вопросы истории Китайско-Восточной железной дороги и города Харбина (120-летие строительства) / под ред. А.Е. Буюкова, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2018. 188 с.

Гинс Г. Харбин, эмиграция и культура // Заря (Харбин). 1938. 10 июля. № 180. С. 2.

Забияко А.А., Забияко А.П., Ливошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. 462 с.

Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2011. 204 с.

Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида: очерки. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 368 с.

Кротова М.В. Август 1945 г. в Маньчжурии в воспоминаниях русской эмиграции // Нансеновские чтения: 2009. СПб.: Информационно-культурный центр «Русская эмиграция», 2010. С. 117–130.

Кротова М.В. Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.). СПб.: Санкт Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2010. 112 с.

Мелихов Г.В. Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.

Райан Н. Россия – Харбин – Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.

Русская поэзия Китая: Антология /сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.

Сетницкий Н.А. Сторожею на Сунгари // Из истории философско-эстетической мысли 1920-х – 1930-х гг. Вып. 1. М.: Институт мировой литературы РАН, 2003. С. 255–259.

Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 229 с.

Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.

Vakich O. Valerii Pereleshin: life of a silkworm. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2015. 391 p.

Vakich O. Harbin Russian Imprints: Bibliography as history, 1898–1961: materials for a definitive bibliography. New York; Paris: Norman Ross Publishing Inc., 2002. 584 p.

Gamsa M. Harbin in Comparative Perspective // Urban History. 2010. Vol. 37. No. 1 (May). P. 136–149.

Gruner F. Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space // Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World / B.D. Behnken and S. Wendt (eds.). Lanham: Lexington books, 2013. P. 183–205.

Ikuta M. Two Russians in Harbin: The Émigré Community and the Soviet Colony// Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945 / ed. by Kimitaka Matsuzato. Lanham: Lexington Books, 2017. P. 175–187.

Merritt S. «Матушка Россия, прими своих детей!»: archival Materials on the Stalinist Repression of the Soviet Kharbintsy // Россияне в Азии / под ред. О. Бакич. 1998. № 5. С. 205–209.

References

Alekseev, M. *Sovetskaya voennaya razvedka v Kitae i khronika “kitaiskoi smuty” (1922–1929)* [Soviet military intelligence in China and the chronicle of the “Chinese turmoil” (1922–1929)]. Moscow: Kuchkovo pole, 2010. (In Russian)

Aurilene, E.E. *Rossiiskaya diaspora v Kitae (1920–1950-e gg.)* [The Russian Diaspora in China (1920s – 1950s)]. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya, 2008. (In Russian)

Bakich, O. *Harbin Russian Imprints: Bibliography as History, 1898–1961: Materials for a definitive bibliography*. NY; Paris: Norman Ross Publishing Inc., 2002.

Bakich, O. *Valerii Pereleshin: The Life of a Silkworm*. Toronto: University of Toronto Press, 2015.

Benagh, Ch. *Anglichanin pri Tsarskom Dvore: dukhovnoe palomnichestvo Charl'za Sidneya Gibbisa* [An Englishman in the Court of the Tsar: The Spiritual Journey of Charles Sydney Gibbes]. Translated by V.V. Kuznetsov. St Petersburg: Tsarskoe delo, 2006. (In Russian)

Buyakov, A.M., I.K. Kapran, and M.B. Serdyuk, eds. *Voprosy istorii Kitaisko-Vostochnoi zheleznoi dorogi i goroda Kharbina (120-letie stroitel'stva)* [Questions of history of the Chinese Eastern Railway and the city of Harbin (The 120th anniversary of construction)]. Vladivostok: Vladivostokskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i servisa, 2018. (In Russian)

Gamsa, M. “Harbin in Comparative Perspective.” *Urban History*, vol. 37, no. 1 (May 2010): 136–49.

Gins, G. “Kharbin, emigratsiya i kultura” [Harbin, emigration and culture]. *Zarya (Kharbin)*. July 10, 1938. (In Russian)

Gruner, F. “Russians in Manchuria: From Imperial to National Identity in Colonial and Semi-Colonial Space.” In *Crossing Boundaries: Ethnicity, Race and National Belonginess in a Transnational World*, edited by B. D. Behnken and S. Wendt, 183–205. Lanham: Lexington books, 2013.

Ikuta, M. “Two Russians in Harbin: The Émigré Community and the Soviet Colony.” In *Russia and Its Northeast Asian Neighbors: China, Japan, and Korea, 1858–1945*, edited by Kimitaka Matsuzato, 175–87. Lanham: Lexington Books, 2017.

Kapran, I.K. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo naseleniya Kharbina (konets XIX – 50-e gg. XX v.)* [Everyday life of the Russian population in the city of Harbin (late 19th century – the 1950s)]. Vladivostok: Dal'nevostochnyi federal'nyi universitet, 2011. (In Russian)

Kradin, N.P. *Kharbin – russkaya Atlantida: ocherki* [Harbin – the Russian Atlantis: essays]. Khabarovsk: Khabarovskaya kraevaya tipografiya, 2010. (In Russian)

Kreid, V.P. and O.M. Bakich, comps. *Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya* [Russian poetry of China: an anthology]. Moscow: Vremya, 2001. (In Russian)

Krotova, M.V. “Avgust 1945 g. v Man'chzhurii v vospominaniyakh russkoi emigratsii” [August 1945 in Manchuria in the memoirs of Russian emigrants]. In *Nansenovskie chteniya: 2009* [The Nansen Readings: 2009], 117–30. St. Petersburg: Russkaya emigratsiya, 2010. (In Russian)

Krotova, M.V. *Kharbin – tsentr russkogo vliyaniya v Man'chzhurii (1898–1917 gg.)* [Harbin, the center of Russian influence in Manchuria (1898–1917)]. St. Petersburg: Sankt Peterburgskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i finansov, 2010. (In Russian)

Melikhov, G.V. *Belyi Kharbin: seredina 20-kh* [White Harbin: the mid-20s]. Moscow: Russkii put', 2003. (In Russian)

Merritt, St. “Matushka Rossiya, primi svoikh detei!” [‘Mother Russia, accept your children!’]: Archival Materials on the Stalinist Repression of the Soviet Kharbintsy.” *Rossiiane v Azii*, no. 5 (1998): 205–09.

Raian, N. *Rossiia – Kharbin – Avstraliya: Sokhranenie i utrata yazyka na primere russkoi diaspory, prozhivshei XX vek vne Rossii* [Russia – Harbin – Australia: preserving and losing the language as in the case of the Russian diaspora that lived through the 20th century outside Russia]. Moscow: Russkii put', 2005. (In Russian)

Setnitskii, N.A. “Storozheyu na Sungari” [Watchman on the Sungari]. In *Iz istorii filosofsko-esteticheskoi mysli 1920-kh – 1930-kh gg. Vypusk 1* [From the history of philosophical and aesthetic thought of the 1920s–1930s. Issue 1], 255–59. Moscow: Institut mirovoi literatury RAN, 2003. (In Russian)

Smirnov, S.V. *Rossiiskie emigranty v Severnoi Man'chzhurii v 1920–1945 gg. (problema sotsial'noi adaptatsii)* [Russian emigrants in Northern Manchuria in 1920–1945 (the problem of social adaptation)]. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2009. (In Russian)

Taskina, E.P. *Neizvestnyi Kharbin* [Unknown Harbin]. Moscow: Prometei, 1994. (In Russian)

Zabiyako, A.A., A.P. Zabiyako, S.S. Levoshko, and A.A. Khisamutdinov. *Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far-Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Amurskii gosudarstvennyi universitet, 2015. (In Russian)